

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Заповедник потерянных душ
С первого взгляда	Ангел мщения
Второй подарок судьбы	Первый шаг к пропасти
Зеленые глаза викинга	Вкус запретного плода
Тайна, приносящая смерть	Исповедь обманутой жены
Цвет мести – алый	Свидетельницы зла
Не доставайся никому!	Королева отшельников
Чужая жена – потемки	Игры небожителей
Возвращаться – плохая примета	Грех с ароматом полыни
Врачебная тайна	Кукла-любовь
Призрак другой женщины	Позови ее по имени
Тайну хранит звезда	К северу от любви
Семь лепестков зла	Пепел прошлого
Свидание на небесах	Без крестной феи
Ведьма отмщения	Псевдоним украденной жизни
Программа защиты любовниц	Цена откровения
Кинжал в постели	Конец игры с продолжением
Гнев влюбленной женщины	Шоу семейных секретов
Лучший день в году	В интересах личного дела
Нирвана для чудовища	Правда персонального формата
Незнакомка с тысячью лиц	Простить нельзя помиловать
Последнее прибежище негодяя	Лабиринт простых сложностей
Счастье с третьей попытки	Теория вероятного чуда
Подвенечный саван	Забавы мертвых душ
Заклятие счастья	Преступные игры гения
Торговка счастьем	Тайна за семью печалями
Амур с оптической винтовкой	По следам старых грехов
Мечь Спящей красавицы	Золотое правило молчания
Демон ревности	Дневники преступной памяти
Преступно счастливая	Последний секрет на троих
Изменница поневоле	Сто причин поверить
Закон сильной женщины	Маршрут случайных пассажиров
Без вины преступница	Тест на доверие
Пленная птица счастья	Маскарад благих желаний
Ничего личного, кроме боли	Герои старого кино
Заговор обреченных	Полезный третий лишний
Узнай меня	

ГАЛИНА РОМАНОВА

НИРВАНА ДЛЯ ЧУДОВИЩА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Нирвана для чудовища : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-230910-6

У Виталия Мельникова, директора фирмы, принадлежащей олигарху Севастьянову, есть все: отличный загородный дом, трое детей, жена Маша, единственная опора в жизни, и... тайна, разоблачение которой грозит Виталию крахом благополучия. Еще у Мельникова виды на молодую сотрудницу, Карину Илюхину. Та его ненавидит, но вынуждена терпеть все «причуды» шефа из страха потерять высокооплачиваемую работу. Однажды Карина произнесла фразу: «У меня мечта, чтобы это чудовище горело сначала на земле, потом в аду!» А через несколько дней в лесу обнаружили сожженную машину Мельникова с обгоревшим неопознанным трупом внутри. Сам Виталий нисколько не пострадал и даже не представляет, кто оказался на его месте за рулем роскошного автомобиля...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-230910-6

*Все действующие лица
и события, описанные в романе,
являются вымыслом.
Любое сходство — это совпадение.*

А в т о р.

ПРОЛОГ

К тому моменту, когда Востриков приехал на место происшествия, машина уже выгорела полностью. Покореженный металлический остов торчал из зарослей кустарника, уничтоженного огнем в радиусе метра. Дальше огонь не пошел, потому что был потушен сильным дождем. С дороги видно вообще ничего не было. О том, что здесь произошло, можно было судить лишь по запаху гари и горелого мяса.

— Не воняй тут так, его бы и не нашли! — озадаченно качнул головой эксперт Федя Ломов, прогуливаясь по периметру, огороженному сигнальными лентами. — А что, Саня? Я не прав? С дороги не видать, в лес этот мало кто ходит.

— А что так?

Востриков лениво жевал зубочистку, оттягивая отвратительный момент, когда придется нырнуть под ленту и начать осматривать полностью выгоревшую машину и обгоревший труп.

— Тут, километрах в сорока от дороги, лет тридцать назад была свалка токсичных отходов, — с удовольствием принялся рассказывать Федя, ему тоже не особо хотелось нырять под

ленту. — Строили ее кое-как. Валили все подряд. Потом забросили, ограждения разрушились, и отходы начали расползаться по округе.

— И? Что, все молчали? Это же экологическая катастрофа, — вяло отреагировал Сан Саныч Восстриков, дико злившийся теперь на обстоятельства, выдержавшие его из-за воскресного стола.

Олька такой плов приготовила! Мечта, а не плов! Он в Узбекистане бывал — такого не пробовал никогда. Она вообще у него золото была, а не женщина: умная, красивая, терпеливая, понимающая, и готовила превосходно.

— Тебе вечно везет! — фыркали коллеги. — Что с женой, что в работе!

Жена возражала:

— Тебе не везет, Санечка, это ты везешь! Громадный воз тащишь на себе, мой любимый! Семья, работа, дочка... Везет ему! Везет тому, кто сам везет!..

О том, что семьей она занималась практически одна, как и воспитанием их десятилетней дочери, Оля никогда не вспоминала. И не упрекала его за сорванные праздники и выходные, за то, что могли его ночью поднять с кровати, а то и вовсе не позволить в нее лечь. Оля была у него славной, и он ее очень любил — без затей и фейерверков, просто любил. Верно и навсегда...

— Т-юю! — присвистнул Федя Ломов. — Экологическая катастрофа! Кто тогда на эту тему заморачивался-то, Саня? Расползлось химическое говнище по старому заброшенному лесу — и хрен с ним! Местные посокрушались, посокрушались да и бросили сюда по грибы и ягоды хо-

дить: а то еще позеленеют с сих продуктов! Да, Саня?

Федя Ломов, маленький толстенький старичок-здоровячок, которому давно уже перевалило за шестьдесят и который все никак не решался уйти на пенсию, тихонько рассмеялся, призывая Саню присоединиться к веселью. Тот вежливо улыбнулся и с неуверенным кряхтением полез под ленту. Ломову пришлось смех оборвать и двинуться следом.

Работали быстро, без лишних разговоров. День обещал быть жарким, что отрицало всяческое затягивание процесса. Вонь была просто нестерпимой. Кто-то уже нацепил на лицо повязку. Кто-то блевал в кустах. Саня держался. Феде все было нипочем.

— Что я могу сказать? — ковырялся он пальцами, затянутыми в перчатки, в сгоревшей плоти. — Мужик... Высокий, здоровенный, небось здоровьем отличался отменным при жизни. И думать не думал, и гадать не гадал, что слетит с дороги и сгорит заживо.

— Заживо? — уточнил Востриков.

— Предварительно — да, судя по положению конечностей. Его, вишь, Саня, зажало вот тут. — Федя постучал каким-то своим инструментом по вывернутой рулевой колонке, упирающейся как раз в грудную клетку обгоревшего трупа. — Может, сначала без сознания был. Может, обкуренный. Подробный анализ покажет, надеюсь. Но потом-то он пытался вылезти. Смотри вот сюда... Видишь, ногти на этой руке все под корень обломаны?

Саня покосился на то, что когда-то было человеческой рукой. И, конечно, ничего не увидел, никаких обломанных ногтей. Только затошнило еще сильнее.

— От чего произошло возгорание, как думаешь? — спросил он Федю, ползающего у трупа в ногах. — Результат аварии? Или поджог?

— Так, Саня, странная какая-то авария, не находишь? — Федя оглянулся вместе с Востриковым на дороге. — Ни тебе тормозного пути на дорожном полотне, ни тебе поломанных веток. Ты же сам усомнился, как сюда подъехал, о чем ты говоришь?

— Да, — согласно кивнул Востриков. — На первый взгляд такое ощущение, что машину аккуратно загнали именно сюда и подожгли.

— Думаю, что и на второй взгляд ощущение таким же и останется. — Федя выбрался из сгоревшей машины, отряхнул колени от жирной сажи, сделал знак санитарам паковать труп. — Но подробности — это уже не ко мне. У тебя вон группа работает с фотоаппаратами. Они точно тебе весь его последний путь зарисуют. А я уж тебе потом про него все расскажу. Но одно хочю сказать тебе, Саня..

— Что?

— Дело говенное! — Федя выпятил нижнюю губу и с печалью покачал головой. — Ни тебе свидетелей — место глухое, ни тебе отпечатков пальцев. Хорошо, если на труп кто претендовать станет.

— Не мели, Федор Иванович!

Востриков недовольно поморщился. Ломов был еще тем оракулом. Как брякнет что, так и сбывается.

— Машинка дорогая, иномарка. По номеру кузова определим владельца и...

— А если машинка в угоне? А жмура никто не хватится, а? — ядовито улыбнулся Федя и погрозил пальчиком в резине. — Не спеши, Сан Саныч, не спеши упрощать себе понедельник. Чую я — дрянь дельце. Ох чую!..

ШАВА 1

Огромный ломоть буженины источал удивительный, неповторимый аромат копченого мяса и пряностей. Он лежал на куске мягкого ситного хлеба, чуть обнажая ажурную кромку салатного листа, который придавил. Бутерброд был свежим, аппетитным, он занял место в центре огромного блюда, выложенного тонкими помидорными кольцами, присыпанными укропом. Рядом с блюдом покоилась большая двурогая вилка. «Странно», — подумал он, протягивая руку. Бутерброд он может съесть и так, без помощи столовых приборов. А помидоры такой вилкой не подцепить. Зачем она здесь, такая большая, с такими острыми длинными зубьями?

Его взгляд двинулся дальше по столу, застеленному дорогой шелковой скатертью. Хрустальный отпотевший графинчик с ледяной водкой. Хрустальная тарелочка с тонкими дольками лимона. Еще одна тарелочка с крохотными маринованными огурчиками. И невероятно ажурная посудинка богемского стекла, доверху наполненная икрой. А ложка? Рядом должна была лежать маленькая серебряная ложечка, а ее нет!

Как он станет есть все это?! Как??? Для икры нет ложки, вместо нормальных столовых приборов — чертовщина какая-то! Это что — издевательство?!

Он нервно дернул шеей, обернулся на жену. Он знал, она должна быть где-то рядом, где-то за его спиной.

Странно, но ее там не было. Он набрал полную грудь воздуха, приоткрыл рот для крика, снова перевел взгляд на стол, и гневный крик застрял в горле, он умер, испустив дух судорожным сипом.

Со стола исчезла скатерть, обнажив потрескавшийся старый пластик. Не было блюда с его любимым бутербродом, помидоров с укропом, хрустального графинчика, лимона, крохотных огурчиков, икры...

Ничего этого не было!!! Не было!!! На растрескавшемся от времени и безалаберного пользования столе стояло эмалированное блюдо с картошкой в мундире. Рядом — «чекушка» дешевой водки, старая алюминиевая вилка на щербатой пустой тарелке и литровая банка квашеной капусты.

Что это?! Что???

Он судорожно сглотнул, пощупал растопыренной пятерней воздух за своей спиной, надеясь ухватить подол Машкиного халата. Нет ее! Ни ее, ни халата! Куда подевалась?! Сбежала — обдало холодом! Сбежала, как почувствовала беду! Да, она теперь такая! Она долго терпеть лишения не станет. Она к шику привыкла быстро и совсем про этот вот стол из их прежней квартиры позабыла. И про то, что ставила ему на этот стол.

Гадина!!! Предательница!!!

Он зажмурился так крепко, что стало больно глазным яблокам. А потом с силой распахнул глаза.

Господи, да что ж это?! Да за что???

Страшное видение его прежней нищенской жизни не исчезло. Как раз наоборот! Оно пополнилось нестиранными ползунками, переброшенными через спинку раздолбанного стула, кастрюлей подгоревшей каши на давно не мытой плите, тощим котенком, истошно вопящим на подоконнике, и форточкой с облупившейся краской, которой поигрывал ветер. Форточка металась, соревнуясь силой визга с тощим котенком. Давно надо было ее отремонтировать, да все некогда. Вспоминал, когда совался покурить. А стоило захлопнуть — забывал.

Забуть! Вот что надо! Ему срочно требуется сейчас забыть прежний кошмар, непонятно почему вернувшийся в его жизнь. Забуть, будто этого и не было!

— Забывать нельзя... — вдруг прозвучал за его спиной чей-то голос. — Никогда забывать нельзя...

За спиной должна была маячить Машка. Но ее там не было, это он точно помнил. Она же сбежала! А голос?! Чей он?! Он будто не знает его, но почему-то осознает, что это самый отвратительный, самый мерзкий голос для него. И он этот голос будто когда-то слышал. Когда?!

— Надо помнить... — снова тот же голос. — А ты забыл...

— Кто ты? — хотел он спросить, да только открывал и закрывал беззвучно рот. — Кто ты?! Я тебя не знаю!!!

— Конечно, не знаешь. Ведь я твоя совесть!
Я теперь всегда буду с тобой!

— А-ааа!!! А-ааа!!! А-ааа!!!

Крик наконец-то прорвался сквозь сузившееся пересохшее горло. Он прорезал плоть шершавым рашпилем. Он вырвался на волю, он наполнил его сердце отчаянием. И...

И он резко открыл глаза. Мощная грудная клетка высоко вздымалась от тяжелого дыхания, сердце молотило о ребра, и было больно. Он приподнялся на локтях, сел на край кровати, огляделся.

Спальня. Его спальня. Просторная, с высоким потолком, с зеркальными шкафами вдоль стены, с панорамным окном, выходящим на террасу, с туалетным столиком жены и дверью в ванную.

Уф, слава богу, все сон!

В изголовье на тумбочке красного дерева мерзко визжал будильник, напомнив ему визг тощего кота и форточки из его ночного кошмара. Сколько раз просил Машку поменять сигнал, сколько раз! Нет, говорит, ты тогда не проснешься. Мог бы и не проснуться запросто от такого ужаса! Приснитесь же такое!

Он глянул себе за спину. На второй половине широченной кровати спала его законная и единственная супруга Мария. Вот она — никуда не сбегала. Спит себе, похрапывая, под белоснежным шелковым пододеяльником, напоминая снежный сугроб. Здоровая стала, толстая. Ест все подряд, стоит на кухню зайти. Хоть говори, хоть не говори.

— Пока толстый сохнет, худой сдохнет! — ржала она в ответ, когда он шлепал ее по мощно-

му заду. — Я за все годы нашей с тобой нужды отъедаюсь, дорогой! Как вспомню...

Вспоминать он ей запретил. Запретил давно, резонно заметив, что она так от своих дурных нищенских привычек никогда не избавится. Что за блажь, скажите, покупать крупы и макаронны впрок? Зачем? Всего в магазинах навалом.

— А вдруг? — огрызалась Машка, и взгляд ее разбавлялся той самой тревогой, которая долгие годы пугала его.

Когда эта тревога начинала прежде плескаться в ее глазищах, значит, все — труба дело. Денег, значит, нет даже на хлеб. И занимать уже не у кого — еще прежние долги не погашены. И детям в школу нет на обеды. И старшему снова придется врать одноклассникам, что он на диете. А младшему брать из дома сморщенные яблоки из бабушкиного сада и бутерброды с домашним салом.

— Никаких вдруг! — взрывался он всегда. — Так больше никогда не будет, поняла?!

— Поняла, чего орать-то, — отзывалась она беззлобно. — Поняла.

Она вообще-то была очень хорошей, его Машка, хоть и жрала как не в себя. Надежной была, как скала, преданной. Странно, что во сне вдруг его предала. Бред! Она никогда так с ним не поступит, никогда! И не от какой-то там надуманной великой любви. А потому, что она без него — ноль!

Он всего, чем они владеют сообща, добился один! Он и только он дал им такую крышу над головой, все, что под крышей, и все, что в рот кладется и на жопу надевается. Он, а не кто-нибудь

еще! Ни Машка, бездумно прожирающая его состояние, ни старший сынок, скачущий из университета в университет и все никак себя не находящий, ни младший, лазающий по отвесным стенам и называющий себя каким-то мудреным словом, ни младшая доча, очень умненькая и очень им любимая, — никто из них пока не внес в семейную казну ни копейки. Никто! И поэтому никто из них не имеет права ему указывать, его критиковать и уж тем более — его судить!

— Дармоеды, — пробормотал он беззлобно и одним рывком стащил с Машки одеяло. — А ну, встать!

Машка не шевельнулась, продолжая легонько похрапывать. Большущая грудь, странным образом после трех родов сохранившая форму и упругость, плавно колыхалась в такт ее похрапыванию. Ночная сорочка натянулась на животе, скомкалась на бедрах, обнажая их слишком высоко, раскинутые широко и вольготно. Он с любопытством рассматривал крупное тело жены.

Поди же ты, толстая, а никаких намеков на целлюлит. Барышни с его фирмы сидят на хлебцах и кофе без сахара, а на ляжках кожа все равно как апельсиновая корка. Он знает, потому что видел. А у Машки...

Он коснулся ее колена, погладил. Кожа гладкая, ровная, всегда пахнет мятой. Сколько помнит себя с ней, столько помнит этот запах: ненавязчивый и свежий. Ни от кого так больше не пахло, ни от кого.

Он провел пальцами по ее ноге выше, добрался до кромки трусов. Машка всегда спала в тру-

сах. Она слабо шевельнулась, глубоко и шумно втянула носом воздух. И он тут же поспешно руку убрал. Если он ее сейчас разбудит, придется Машку ублажать. А он не хотел. И вообще ее день — суббота.

Качнувшись на мягких пружинах матраса, он встал, подошел к огромному окну, осторожно отодвинул одну створку и вышел на террасу.

Утро занималось чудесное. После трехдневных ливней уже вторые сутки было тепло. Все сразу ожило, зазеленело. В саду что-то цвело и дивно пахло. Порхали птицы с ветки на ветку. Одна, самая наглая, влетела под навес летней беседки и принялась маршировать по громадному столу в поисках крошек.

А нет крошек-то, птаха! Нет! Все убирается тщательно в этой усадьбе. Убирается супружеской парой, которую он подобрал на вокзале без денег и почти без вещей.

— Станете служить верой и правдой, — сделал он тогда пафосное вступление, что тот помещик, — озолочу! Нет — выкину к чертовой матери!

Они служили. Замечательно служили. И были почти незаметны в его доме и в саду. Через год безупречной службы он переселил их из задней кладовки в небольшой флигель на краю участка, за что они ему руки целовали! Муж Валентин — левую, жена Валентина — правую. Машка фыркала недовольно, а ему что — ему нравилось.

Словно услышав его мысли о себе, за дальним кустом показался Валентин в широкополой шляпе. Он медленно шел вдоль розовых кустов, выс-

матривая сорняки и засохшие цветы: осторожно их срезал, выдергивал и складывал в большую холщовую сумку, висевшую на плече.

Хозяин глянул на часы. Пять утра. Рановато поднялся садовник, похвально. Может, премию подкинуть? И тут же насупился. Обойдется! Привыкнет — так потом и станет ждать. Пусть учатся работать за зарплату. Все пусть учатся!

Вспомнив о зарплате, он тут же перекинулся мыслями к грядущему рабочему дню. Он ведь неспроста сегодня поднялся так рано. Сегодня очень сложный день. Сегодня приедет в гости учредитель. Сказал, что в гости, но все знают, что это проверка. Жесткая, пристальная, не прощающая недочетов и промахов. Его коллектив неделю метался, все подчищая, проверяя, сличая.

— Если кто облажается, шкуру спущу! — шипел Мельников каждое утро на оперативке. — Вы у меня тогда не просто уйдете за ворота! Вы нигде в городе себе работы не найдете! Никто! Нигде!

Взглядов, устремленных на него, в такие моменты не было. Все тщательно полировали глазами стол для совещаний.

Они его ненавидели! И он об этом знал. И ему это почти нравилось. Нравилось унижать, наблюдать чужой страх, чужую ненависть, понимать, что она бессильна, и продолжать дальше наслаждаться властью. Он их ведь тоже не очень-то любил, а точнее — презирал всех и каждого, кто был рангом ниже. И поэтому на ненависть низшей расы ему было плевать.

Время от времени, чтобы подтвердить собственные сомнения на чей-нибудь счет, он устанавливал

ливал в их кабинеты диктофоны. Потом забирал. Прослушивал. И подозреваемый либо продолжал работать дальше, либо бывал уволен без выходного пособия. Никто не понимал, в чем дело, искали стукачей и предателей, некоторые даже приписывали ему мистические способности. Это его забавляло и радовало одновременно. Ему нравилось ощущать себя всемогущим, хотя бы в их глазах.

Он нахмурился, возвращаясь в спальню. Тихо прошел в ванную комнату, скинул с себя легкие штаны, в которых спал, открыл воду, вошел в душевую кабину. Мягкое шуршание воды немного его успокоило.

Никто и никогда не узнает о его самом большом страхе. Никто о нем не узнает, даже Машка. Она не сумеет догадаться, потому что Бог не вложил в ее голову много мозгов и проницательности.

Никто и никогда не узнает, что самым большим его страхом является возвращение в прошлое, в то прошлое, где он был нищим неудачником, вечно занимающим деньги. Сегодняшний сон, повторяющийся время от времени и выбивающий его из колеи на несколько часов, — это самый страшный кошмар, воплощения которого он боялся наяву.

Сквозь запотевшие стекла душевой кабины он видел сверкающий кафель ванной комнаты; видел большое зеркало над спаренной раковиной, громадную ванну в форме раковины; видел гору баночек и флаконов с кремами, компрессами, лосьонами, духами — все первосортное, дорогое; видел мохнатый коврик, которым был выстелен пол — коврик был с секретом: он как-то странно впитывал воду, при этом почти не намокая, либо

высыхал очень быстро — тоже кучу бабок стоит, привезен откуда-то из-за границы с выставки.

Он еще раз осмотрел ванную, лаская каждую вещицу взглядом. Это все так красиво, так удобно. Разве можно этого лишиться? И из-за чего?! Из-за какой-то совести?! Что это вообще такое?..

ШАВА 2

На стоянке стояло привычное количество машин: пятнадцать слева, пять справа. Те, что слева, были попроще, подешевле и принадлежали сотрудникам среднего звена — менеджерам, бухгалтерам, кладовщикам. На тех, что справа, каталось руководящее звено, и стояли там дорогие иномарки сплошь представительского класса.

Карина, добравшаяся сегодня на работу пешком, неприязненно покосилась в правую сторону. Взгляд ее безошибочно нацелился на директорский автомобиль. Громадный внедорожник блестел на солнце отполированными боками. Блатной номерной знак. Тонированные стекла, наличие которых прощают даже местные представители власти. Все круто!

Карина вздохнула и, повернувшись к стоянке спиной, устремила к входу в офисное здание. Вот чью машину она сожгла бы недрогнувшей рукой. А еще лучше, если бы на водительском месте сидел сам хозяин. И она понаблюдала бы за его агонией и, может, даже сняла на мобильный.

— Тьфу, ты! — поплевала она через левое плечо, поругав себя тут же. — Нельзя! Нельзя...

Нельзя опускаться до его сволочного уровня. Нельзя превращаться в чудовище, коим являлся их генеральный директор — Мельников Валерий Сергеевич. Это ему уничтожить человека — что комара прихлопнуть. Она-то не такая! Чего она тогда так разошлась в своих мстительных мыслишках?!

Охранник на вахте многозначительно посмотрел на часы — она опаздывала на восемнадцать минут — и тут же полез в ящик за регистрационным журналом. Карина со вздохом выложила перед ним сто восемьдесят рублей. У охраны каждая минута стоила десятку. Иначе настучит, иначе оштрафуют, а это куда больше, чем эта ничтожная сумма.

— Проходите, — вежливо улыбнулся он, убирая журнал обратно.

— Где все? — Она уже бежала вверх по лестнице.

— Босс на служебной машине поехал в аэропорт встречать гостей. Остальные на местах.

Слава богу!!! Чудовище отсутствует!!! Если бы он ее хватился, не помогли бы никакие деньги. Он бы поставил ее столбом посреди своего кабинета минут на двадцать, принялся ходить вокруг и вкрадчивым мерзким голосом стал бы читать ей нравоучения, заводясь и распаяясь. Закончил бы как обычно:

— Раздеваешься или увольнение, Кариночка?

И она раздевалась, мерзкая грязная девчонка! Раздевалась прямо посреди рабочего дня, посреди его кабинета, расположенного в центре здания,